

такие же, как мы

ПЕН ФАРТИНГ СОБАКИ, КОТОРЫХ МЫ СПАСЛИ

мировой
бестселлер

НЕТ МЕСТА
ЛУЧШЕ ДОМА

Такие же, как мы

Пен Фартинг

**Собаки, которых мы спасли.
Нет места лучше дома**

«Издательство АСТ»

2010

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Фартинг П.

Собаки, которых мы спасли. Нет места лучше дома /
П. Фартинг — «Издательство АСТ», 2010 — (Такие же, как мы)

ISBN 978-5-17-102239-6

Мировой бестселлер от человека года 2014, автора книги «Пес, который изменил мой взгляд на мир». Когда автор, Пен Фартинг – сержант Королевской морской пехоты, – привез домой двух собак из Афганистана, он и представить не мог, к каким последствиям это приведет. Помимо проблем с адаптацией собак к новой жизни, его захлестнул поток писем от военных, служивших в Афганистане, с просьбой о помощи. О помощи в доставке на родину спасенных ими собак. И Пен, с мужеством и упорством, делает все возможное и невозможное, чтобы дать этим оставшимся в Афганистане бездомным собакам шанс обрести дом. Поскольку и для людей, и для собак на земле нет места лучше дома. Ведь они такие же, как мы.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-102239-6

© Фартинг П., 2010
© Издательство АСТ, 2010

Содержание

Пролог:	6
•1•	12
•2•	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Пен Фартинг

Собаки, которых мы спасли.

Нет места лучше дома

Pen Farthing

NO PLACE LIKE HOME

Печатается с разрешения литературных агентств Aitken Alexander Associates Ltd и The Van Lear Agency LLC

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

© Paul Farthing/Pen Farthing Ltd, 2010

© ООО «Издательство АСТ», 2018

***

Серия «ТАКИЕ ЖЕ, КАК МЫ»

В серию входят только правдивые рассказы о собаках, кошках и других животных.

Книги этой серии о собаках – это невымышленные истории о людях и их собаках, которые коренным образом изменили судьбы своих хозяев к лучшему. Это истории о приключениях и работе, о шалостях и героизме, о доброте и благородстве и конечно же о дружбе. О дружбе людей и собак.

О дружбе, во многом благодаря которой мы смогли выжить в жестокой борьбе за существование в первобытном мире. Помогая друг другу выжить, мы вместе прорвались сквозь толщу тысячелетий и лучше узнали друг друга.

В наш удаляющийся от природы технотронный век виртуальной реальности и стрессов они по-прежнему помогают нам. А мы им. Потому что они такие же, как мы.

Читая эти книги, вы будете улыбаться и удивляться, смеяться и, возможно, плакать, опять улыбаться и восхищаться, вы будете сопереживать и ни в коем случае не останетесь равнодушными. Не останутся равнодушными также ваши дети и внуки, за которыми будущее. Будущее, в котором им будут помогать жить и оставаться людьми такие же, как мы.

Пролог: Как в старые добрые времена

Грохот взорвавшейся ракеты разорвал тишину вокруг зданий. Ночное небо озарилось пороховой вспышкой.

– Ну, начинается, – пробормотал я себе под нос на бегу, преодолевая узкий газон, отделявший меня от одинокой деревянной постройки, скрытой в полумраке. Я пригнулся заранее, за пару шагов до того, как нырнуть в невысокий проем. Беда в том, что пригнулся я, как оказалось, недостаточно низко.

– Ай! – Лбом я врезался в деревянную притолоку и, не удержавшись на ногах, рухнул прямо на траву.

– Больно, черт возьми, – ни к кому особо не обращаясь, пожаловался я, потирая место удара, где на завтра грозила вырасти заметная шишка.

Пару секунд я так и сидел, наполовину оглушенный, в ожидании, пока боль пройдет, но очередной взрыв над головой вырвал меня из этого состояния и напомнил зачем я вообще оказался снаружи в такой неурочный час. Встав на четвереньки и стараясь не обращать внимания на стремительно промокающие от мокрой травы штаны, я осторожно просунулся в дверь. С этой высоты было понятно, что пригнуться следовало гораздо сильнее.

«Тупица, – безапелляционно пожурил меня внутренний голос. – Любой идиот на твоём месте вспомнил бы, что это строилось не для людей».

Я протиснулся в слабо освещенную деревянную каморку.

– Прости, приятель, я слегка припоздал, – произнес я вполголоса.

Огромные перепуганные глаза Наузада, одного из моих псов, тарасились из полутьмы. Он свернулся в клубок, повернув ко мне морду, и весь дрожал. Коротко обрезанный хвост был поджат, а обрубки ушей распластались еще сильнее, когда очередной громкий взрыв сотряс до основания его скромное жилище. По ощущениям, грохотнуло совсем рядом, хотя я точно знал, что ракета взорвалась в паре сотен ярдов у нас над головой.

– Все в порядке, приятель, я здесь, с тобой, – принялся я успокаивать пса, обнимая его за спину одной рукой, а другой подкручивая радио, свисавшее с гвоздя на стене. Я надеялся, что этот звук хоть отчасти заглушит взрывы, раздававшиеся теперь все чаще, но когда из динамиков донесся радостно-возбужденный голос, ведущий обратный отсчет, стало ясно, что настоящий грохот только начинается...

– Десять, девять, восемь, семь...

Раздражающий голос накладывался на пульсирующую головную боль. Я прикрыл глаза и потрепал Наузада по голове, за коротко обрезанными ушами. Это было самое яркое свидетельство той жизни, которую он вел еще несколько месяцев назад. Я улыбнулся, когда он правым ухом вжался мне в ладонь, и принялся чесать его с удвоенным энтузиазмом.

– Что, Наузад, прямо как в старые добрые времена, да? – хмыкнул я, хотя в этой шутке, на самом деле, не было ничего смешного.

– ...три, два, один...

Я думал, что вспышки снаружи – это просто отблески взрывов, которые сейчас раздавались в небе почти непрерывно, но когда луч света устремился мне прямо в лицо, такой яркий, что пришлось закрывать рукой глаза, до меня дошло, что это не совсем так. Кто-то направил фонарь в нашу сторону. Но раньше, чем я успел что-либо сказать, из темноты протянулась рука с бокалом красного вина.

– С Новым годом, мои дорогие! – смеясь, поздравила нас Лиза, моя жена.

– И тебя с Новым годом, милая, – ответил я, сделал глоток вина и поднял бокал в приветственном жесте.

Допив вино, я повернулся к Наузаду.

– Тебя тоже с Новым годом, Наус, – прошептал я ему на ухо. Да, еще один год миновал, и наступил 2008-й. – Я знаю, что сейчас мне вряд ли поверишь, но ты в безопасности. Никто больше не причинит тебе зла.

Второй раз подряд я встречал этот праздник в обществе Наузада, а не Лизы. Но обстоятельства разнятся, как небо и земля.

В этом году мы оказались в конуре Наузада, во дворе нашего с Лизой дома в Девоншире. Двенадцать месяцев назад нас окружал совсем иной ландшафт: Афганистан. Будучи сержантом 5-го отряда команды «Кило» 42-го батальона королевской морской пехоты, вместе со своими парнями я находился там по долгу службы. Нас расквартировали на военной базе в городе Наузад провинции Гильменд.

Насколько там было безопасно – вопрос спорный, и к единому мнению за время командировки мы так и не пришли. Комплекс глинобитных построек, где располагался «передовой пункт базирования» (если называть это казенным языком, а проще – база, лагерь), находился в гуще таких же домов, в лабиринте узеньких улочек городишки, выстроенного среди пустыни. Мы проторчали там всю холодную зиму 2006 года и встретили Рождество. В нашу боевую задачу входило обеспечение безопасности мирных афганцев, которые мечтали лишь об одном: жить нормальной жизнью без вмешательства талибов.

Это означало, что нам нередко приходилось долгими часами напролет дежурить на постах или патрулировать окрестности под ледяным зимним дождем, в то время как талибы вели обстрел наших позиций из минометов. Это почти невозможно объяснить тем, кто не служил в армии, однако, в сравнении с унылой повседневной рутинной на базе, мы почти радовались, когда это происходило. Вплоть до самого Рождества минометная стрельба случалась почти ежедневно, однако на праздники талибы, как ни странно, успокоились и дали нам насладиться индейкой со свежей картошкой. Эти лакомства нам накануне сбросили на парашютах королевские ВВС, вместе с отчаянно необходимыми боеприпасами.

Во многом для меня этот опыт оказался неожиданным, почти нереальным: я и представить не мог, что когда-нибудь придется сражаться в стране, которую я до того представлял себе разве что по фильмам о «Рэмбо».

И все же довольно быстро выяснилось, что пятьдесят три морпеха – это, конечно, могучая сила, но довольно бесполезная, когда речь идет о том, чтобы оборонять от «Талибана» целый город. Несмотря на все наши усилия, нас было слишком мало, чтобы обеспечить жителям Наузада по-настоящему безопасную жизнь, и осознание этого выматывало похуже любой стрельбы.

Благодаря случайной встрече в пыльном переулке, сложилось так, что я начал помогать городским бродячим собакам. Им мы могли дать и пищу, и кров. Постепенно и совершенно непреднамеренно я стал кем-то вроде старшего ответственного по наузадским дворнягам¹.

И первым среди этих псов стал Наузад. Познакомились мы с ним, когда наш взвод патрулировал окрестные улочки вокруг базы. Там же я впервые в жизни увидел собачьи бои.

С того рокового дня минуло больше трех лет, но эта картина по-прежнему стоит у меня перед глазами, как живая. Я помню все краски и звуки: лязг челюстей, шелканье зубов, рычание, с каким Наузад и его соперник – пес, который был крупнее раза в полтора, – бросались

---

¹ Подробнее эти события изложены в книге Пена Фардинга «Пес, который изменил мой взгляд на мир», Изд-во АСТ, Москва, 2017.

друг на друга. И, главное, я помню радостные вопли, которым афганские полицейские подбадривали дерущихся собак.

Никогда не забуду, как я разозлился при виде двух псов, которых заставляют забавы ради рвать друг друга на части. Я был полон решимости остановить людей, устроивших весь этот беспредел. Не самый разумный в моей жизни поступок... но я ворвался в середину толпы, требуя, чтобы свара немедленно прекратилась. В свое оправдание могу сказать лишь одно: наши стволы были все-таки круче.

До сих пор не могу сдержать улыбки, стоит вспомнить, как плюхнулся на задницу, прямо в грязь, чумазый, неопрятный афганский полицейский, который попытался встать у меня на пути. Наузад, воспользовавшись замешательством публики, сбежал. Как только они со вторым псом заметили просвет в толпе, они тут же устремились на свободу и скрылись в путанице проулков, среди пустующих глинобитных строений. Афганские полицейские были в бешенстве, но поделать ничего не могли, поскольку, вообще-то, покинули территорию базы без разрешения. Пришлось им топтать восвояси под нашим бдительным присмотром: меньше всего нам хотелось, чтобы талибы воспользовались происходящим и устроили диверсию. К счастью, этого не произошло.

Я думал, что это была наша первая и последняя встреча с афганским бойцовым псом, однако через пару дней обнаружил Наузада, который прятался в пустой постройке к западу от нашей базы. Сказать, что поначалу он был не слишком рад меня видеть, означало бы сильно смягчить действительное положение дел. Стоило к нему приблизиться, он издавал злобный рык и клацал челюстями так, что я отлетал на безопасное расстояние, с трудом удерживаясь на ногах.

К счастью – для нас обоих, – чтобы завоевать его расположение, хватило нескольких упаковок сухих, как картон, галет из армейского рациона.

Один из наших молоденьких морпехов предложил назвать пса Наузадом в честь потрепанного и испещренного боевыми отметинами города, который мы защищали. Кличка подходила ему идеально. По правой стороне морды и по подбородку у него шли глубокие шрамы – свидетельства нелегкой жизни, которую он вел до сих пор.

В течение нескольких дней после этого я соорудил для него нечто вроде убежища, а еще через пару месяцев оно незаметно превратилось в собачий приют, где нашли пристанище пять взрослых псов и четырнадцать щенков.

Наузад на своей любимой подушке в лагере морпехов. Афганистан.

Наузад ухитрился каким-то образом сообщить своим четвероногим сородичам, как ему повезло: кормежка дважды в день, крыша над головой в суровую афганскую зиму. Первым явился все это проверить юркий песик, которого мы окрестили РПГ, – тощий, путающийся в собственных четырех лапах и бесконечно игривый. Он тут же принялся развлекать угрюмого Наузада. Следом появилась Джена, ласковая черно-подпалая дворняжка с ярко-желтыми глазами, которую мы обнаружили рядом с базой. Афганские полицейские привязали ее к деревянному столбу проволокой, вероятнее всего, с тем, чтобы случить ее с кем-то из самых ярких бродячих псов, рыскавших вокруг базы в вечных поисках, чем бы поживиться. План был примитивным и омерзительным: привязанная к столбу Джена должна была принести щенков. Самых крепких, когда подрастут, можно было бы выставлять на собачьи бои.

Мы слишком поздно пришли ей на помощь, и в морозную предновогоднюю ночь нам пришлось стать свидетелями того, как на свет появляются один за другим восемь щенков.

Пулю мы обнаружили также за стенами базы: она была изранена и пряталась неподалеку от нашего собачьего приюта. Антибиотики и прочие лекарства, которыми с нами поделились ребята нашего отряда, помогли ей быстро пойти на поправку.

После этого явилось еще одно чудо: через дырку, прокопанную под воротами базы, тощая, едва держащаяся на ногах собачонка принялась перетаскивать к нам своих новорожденных малышей. Мы не могли поверить собственным глазам. Дать имя отважной мамаше не составило труда, мы назвали ее Тали – сокращенно от «Талибан», – потому что кто еще, кроме талибов, стал бы устраивать у нас подкоп?

Во многих смыслах Наузад помог мне проще пережить Афганистан. Можно сказать, мы одинаково помогли друг другу. Я приходил к нему в вольер холодными ночами, сидел там, разговаривал с ним, и становилось полегче. Он дарил мне такие необходимые минуты покоя, был пилотом волшебного ковра-самолета, переносившего меня хотя бы ненадолго в привыч-

ную жизнь, домой – в тот мир, где можно было смотреть, как мои собаки Физз и Бимер резвятся на пляже, гоняются друг за другом, убегают от накатывающих волн, где, держась за руки, гуляли мы с Лизой. Тогда я и совершил роковую ошибку: убедил Наузад, что есть люди, которым можно верить... хотя не имел на это ни малейшего права. Если не забрать его с собой при отъезде, что за жизнь ожидала его потом? Короткая и полная страданий, вне всякого сомнения. И скорая смерть от холода и голода либо от ран, полученных на собачьих боях.

В то время, когда казалось, что весь мир вокруг сходит с ума и распадается на части, Наузад был единственной надежной психологической опорой, на которую я мог рассчитывать. Когда бы я ни появился у самодельного загона, в любое время дня и ночи – в зависимости от того, как выпадала смена дежурства, – он с равным восторгом вилял коротеньким обрубок хвоста, приветствуя меня. Он всегда радовался моему появлению, особенно в часы кормежки, когда я заносил в вольер миску с клецками, оставшимися с обеда в армейской столовой.

Для собаки, пережившей и побои, и бомбежки, и голод Наузад на удивление легко умел прощать: он никогда не осуждал меня, если я опаздывал или слишком спешил, чтобы уделить ему больше времени.

И сегодня он опять это доказал.

Фейерверки снаружи становились все интенсивнее, но поп-музыка, грохотавшая из радиоприемника, делала свое дело, заглушая основной шум разрывов. Было нечто странное, почти сюрреалистическое в том, как вспыхивало и гасло небо снаружи, заливая через дверной проем разноцветными отблесками собачий домик. У нас с Лизой, сидевших здесь вместе с Наузадом, было такое ощущение, будто мы оказались на краю сцены на нелегальном психоделическом рэв-концерте.

– По сравнению с этим, в прошлом году у нас, вообще, затишье было! – проорал я, перекивая очередную порцию фейерверков и еще крепче прижимая к себе подрагивающего от страха Наузад. – Сколько это еще будет продолжаться, черт бы их побрал?

– Некоторым людям деньги девать некуда, – шутливо отозвалась Лиза.

В детстве я фейерверки любил, даже сам их пытался изготавливать. Осторожно разбирая на части покупные ракеты из местного магазинчика, рассыпал порознь цветной порох, придумывал собственные наполнители помощнее. Скажем прямо, не самая разумная идея, и пару раз я серьезно рисковал опалиться. А уж сейчас я к ним и подавно охладел: за такие деньги лучше выпить пива и прилично поесть в каком-нибудь пабе. Не говоря уже о том, что мою собачью стаю эти взрывы пугают до ужаса.

– Как там все остальные? – прокричал я Лизе, когда небо вновь взорвалось разноцветными ракетами.

– Физз с Бимером в полном порядке, им все равно, – донеслось до меня в ответ.

И неудивительно. Физз, наш ротвейлер, и Бимер, спаниель, которого мы взяли из собачьего приюта, жили с нами уже лет шесть. Внезапные громкие звуки их никогда не пугали, вероятно, не в последнюю очередь потому, что когда они только у нас появились, мы жили рядом с взлетно-посадочной полосой военно-воздушной базы в Йовилтоне. Так что оба пса довольно быстро приспособились к тому, что над головой то и дело взрывают реактивные самолеты «Харриер», а где-то неподалеку гроыхает артиллерия. И мы, и они очень быстро перестали обращать на это внимание.

– А Тали как? – спросил я, ощутив внезапный укол вины за то, что совсем позабыл о второй своей собаке, найденной на краю света, в провинции Гильменд, и которая теперь также обитала с нами.

Вдвое мельче Наузада, Тали представляла собой белый пушистый комок бесконечной энергии. Она отлично приспособилась к любым новым обстоятельствам, и у меня не было никаких сомнений, что она способна пережить что угодно. Оказавшись в Великобритании, она

показала себя куда более воспитанной, чем ее собрат-беженец. Я почти не сомневался, что как только за окнами стемнело, она тут же забежала в дом, и куда больше беспокоился, как будет чувствовать себя Наузад в своей темной будке, когда вокруг творится светопреставление. Однако теперь я заволновался и о ней тоже.

– Где она? – спросил я у Лизы, поднимаясь с холодного пола.

– Когда я уходила – сидела под журнальным столиком. Телевизор орал на полную громкость, там какая-то викторина шла, – ответила Лиза, выбираясь наружу, в промозглую ночь. – С ней все было в порядке, – добавила она, однако в голосе прозвучала неуверенность.

В то время Наузаду при обычных обстоятельствах вход в дом был запрещен. Но обстоятельства сегодня трудно было назвать обычными. Когда взорвалась очередная ракета, и он вновь принялся нервно подрагивать, я понял, что вынести это невозможно: не для того я спасал этого пса и тащил сюда через пол земного шара, в конце концов.

– Так, все, – сказал я как можно более властно. – Лиза, Наузад напуган до белых глаз. Я заведу его в дом, к Тали. Пусть хотя бы сидят и боятся вместе.

– Но он же там все обгадит, – попыталась возразить Лиза.

– Ну, пожалуйста, детка, – взмолился я. – Мы за ним будем следить. Во все глаза!

Лицо Лизы оставалось неумолимо.

– Это была твоя гениальная идея – тащить его сюда из Афганистана. – На этих словах она все же не выдержала и захихикала, слегка нетрезво. – Вот *ты* за ним во все глаза и следи.

●1●

Все меняется

Новый год наступил через восемь дней после того, как мы забрали Наузада и Тали из карантинного центра, где они провели полгода в изоляции, как положено для собак, прибывших в Великобританию из Афганистана.

Сказать, что это время стало насыщенным, было бы не сказать ничего. За каких-то восемь дней вся наша жизнь перевернулась вверх тормашками.

Перед этим мы медленно отсчитывали месяцы по календарю, хотя вычеркивать дни карандашом особой нужды не было: заветная дата и без того отпечаталась в памяти намертво. Когда Тот Самый День наконец наступил, не было никакого официального письма, никакого особого извещения – только звонок по телефону, что ветеринар окончательно дал добро. Так закончился карантин для наших четвероногих афганских друзей.

Несколько месяцев мы регулярно катались с западного побережья на окраину Лондона, где находился карантинный центр, но теперь этим бесконечным поездкам пришел конец, мы забирали Наузади и Тали насовсем. В центре не было никаких особых удобств, но персонал сделал все возможное, чтобы оба пса чувствовали себя там, как дома. Тем не менее досадно было, что мы никак не могли вывести их на длительную прогулку, чтобы надышаться свежим воздухом или размяться в парке, бегая за мячиком. Другое дело, что ни Наузад, ни Тали, скорее всего, не поняли бы, что с этим мячиком делать.

И главное, мне не терпелось как можно скорее оказаться дома – с ними, с Лизой и двумя другими нашими собаками. Я очень хотел, чтобы мы стали одной стаей. У нас были свои излюбленные маршруты по окрестностям, мы мечтали вывести их туда как можно скорее, а затем, как только будет свободное время, выехать на природу в Дартмур.

Когда до окончания карантина оставались считанные дни, и я, и Лиза начали изрядно волноваться. Мы оба отлично понимали, что, как только Афганская Парочка окажется на свободе, возврата к прежней жизни уже не будет. Как бы все ни сложилось, мы обязаны были преуспеть. Иначе – что? Не возвращать же их обратно!

Но тут, как обычно, свою ложечку дегтя добавила наша работа. В то время Лиза, как и я, служила в армии, в женской вспомогательной службе ВМС. Будучи оба людьми служивыми, мы отлично понимали, что перевод в другое место может случиться в любой момент. И – кто бы сомневался – ровно в тот момент, когда мы уже готовились забирать собак домой, сработал закон подлости.

Меня повысили. Через год после возвращения из Афганистана я прошел квалификацию. Вероятно, командующий состав оценил, как я управлялся со своим взводом в Гильменде, и характеристика, которой меня снабдил начальник базы, наконец убедила кого-то наверху, что после долгих семи лет сержантства я заслужил новые лычки. И вот меня произвели в старшие сержанты.

Но это означало, что теперь я должен жить ближе к месту службы, то есть к базе, расположенной на южном побережье Англии, близ Эксмута. Это означало переезд на добрых полсотни миль от того места, где мы обитали сейчас. Позитивная новость в дальней перспективе, но крайне неудобная при текущем раскладе. До сих пор мы считали, что высвобождение собак из карантина на 24 декабря станет для нас отличным рождественским подарком, но теперь все планы по обустройству их на новом месте пошли прахом.

Хотя никто больше таких подсчетов не вел, за двадцать лет службы в ВМС я пережил четырнадцать переездов. Мы с Лизой мечтали о том дне, когда у нас появится собственное жилье, но до этого было еще далеко. В свой новый дом в Девоне мы должны были вселиться 23

декабря, а значит, у нас оставалось ровно двадцать четыре часа не только на то, чтобы перевезти все пожитки, но и на подготовку к прибытию двух новых собак... и это помимо обустройства той парочки, которая уже у нас имелаась. В общем, начался полнейший кавардак.

Наше новое жилье было довольно удобным, и что самое главное, за домом имелся немаленьких размеров сад. В хорошую погоду оттуда открывался вид на побережье, и если ветер дул с моря, он приносил солоновато-пряный йодистый запах. Решать, что и куда расставлять на новом месте был вынужден один человек. Конечно, не я. Лиза взяла на себя традиционные женские функции и занялась обстановкой, чтобы каждая комната приняла тот вид, который бы ее устроил, а я тем временем, стараясь не путаться у нее под ногами и пореже попадаться на глаза, занялся сооружением двух собачьих загонов, где четыре пса могли бы чувствовать себя достаточно комфортно в течение дня, пока хозяев нет дома. Для Наузада – пока он не научится вести себя в помещении, – конура должна была стать постоянным жильем и на ночь тоже. Было решено, что на время ему придется с этим смириться, тогда как для Тали мы приготовили удобную лежанку на кухне. Остальной дом для нее тоже был временно закрыт. Физз с Бимером, как самые цивилизованные, были допущены и на второй этаж тоже.

Полгода в карантине Тали и Наузад жили в разных загонах. Это было наше с Лизой решение, и тому было несколько причин. Для начала, никто не был уверен, как отнесется Наузад к постоянному соседу, а, во-вторых, не стоило забывать, что обе собаки не были кастрированы. Меньше всего нам хотелось нести ответственность за появление на свет нежеланных щенков, поэтому и здесь тоже надо было принимать окончательное решение. Как и со всем остальным, простой задачей это не стало, и кастрировать Наузада и Тали получилось только к концу их полугодового пребывания в центре, после того, как нам выдали специальное разрешение, по которому собак можно было оперировать, не дожидаясь окончания карантина.

Наузад и Тали вероятнее всего были частью одной бродячей стаи, пока вели свою нелегкую жизнь в Гильменде. Шесть месяцев вынужденной разлуки на них почти не сказались. Они снова стали вести себя, как закадычные друзья, стоило нам вывезти их из центра. Достаточно оказалось друг друга обнюхать – и все.

Мы с Лизой вздохнули с облегчением: ну что ж, одним поводом для беспокойства меньше.

Собачьи загоны были довольно дорогостоящими, мы заказали их в ноябре, специально для этого съездив на выставку. Больше всего они напоминали небольшие сарайчики, полностью изолированные от влажной земли и защищенные от дождя. Сбоку к каждому примыкал огороженный участок для выгула, по-тюремному зарешеченный, но с хорошим проветриванием. Оттуда собаки могли в свое удовольствие наблюдать за окружающим миром. Впрочем, поскольку мы жили в самом обычном доме, в самом обычном коттеджном поселке, самое увлекательное зрелище, которое могло ожидать наших псов, – это мусорщики, приезжавшие раз в неделю, и почтальон, заглядывавший по утрам. Ничего интересного.

Впрочем, довольно скоро выяснилось, что это еще не все. Соседский кот очень быстро обнаружил, что способен доводить Физз до остервенения. Кота я заметил еще в первый день. Игривое создание в изящной позе угнездило на ограде, разделявшей наши два дома с видом «черта-с-два-ты-меня-достанешь» и наслаждалось жизнью, пока Физз лаяла и бесновалась внизу.

Разумеется, кот не пропустил и строительства собачьих загонов, которые я доводил до ума перед самым Рождеством. А на него, в свою очередь, зорко взирало наше собачье пополнение.

– На твоём месте, я бы постарался сюда не падать, – посоветовал я ему, сидя на крыше одного из загонов и поглядывая в сторону Наузада, привязанного к деревянному столбу и с интересом озиравшегося по сторонам. – Он даже жевать не станет – так проглотит.

У нас с Лизой не было времени беспокоиться о том, понравится ли Наузаду загон. Я, разумеется, исходил из того, что каким бы новое жилье ни получилось, оно покажется настоящим дворцом по сравнению с полуразрушенными афганскими лачугами, в которых пес ютился большую часть жизни.

К тому же, Наузад вел себя на удивление спокойно: из микроавтобуса, в котором мы доставили их с Тали из карантинного центра, он вышел с самым невозмутимым видом и прошел в калитку так, словно делал это каждый день.

Меня порадовало, что он не выказывал особой тревоги. Это означало, что он чувствует себя в безопасности. Кроме того, это также означало, что он не возражает против того, что я существенно упростил изначальную конструкцию собачьего жилища. Прямо сейчас, пока я заканчивал возиться с крышей загона, рядом с Наузадом валялся мешок, набитый шурупами и гвоздями, прилагавшимися к этой адской конструкции. Вероятнее всего, они были для чего-то нужны... но я решил, что мы обойдемся и так.

– Только Лизе не рассказывай, дружище, – попросил я, слезая с крыши собачьего домика и аккуратно приземляясь на лужайку. – Меньше знает – меньше расстраивается. – С этими словами я подобрал мешок крепежей, которые мне очень хотелось считать совершенно необязательными, и бросил его в мусорное ведро.

Наузад молча проводил меня взглядом. Я знал, что всегда могу на него рассчитывать: он не выдаст.

И как будто нам мало было хлопот с обустройством на новом месте. А ведь Наузаду и Тали предстояло еще как-то научиться уживаться с двумя другими нашими псами.

Первую собаку мы с Лизой завели в 2001 году, всего месяц спустя после свадьбы. В раннем детстве у меня был пес по кличке Шеп, но уже подростком я о нем мало что помнил. Зато у Лизы в семье собак держали постоянно, это была наследственная традиция, и я никоим образом не возражал.

Мы рассуждали о том, что неплохо было бы обзавестись собакой, еще до того, как поженились, но без конкретики. Мы не задумывались особо насчет породы и первую свою собаку купили у заводчицы в Манчестере. Оглядываясь назад уже опытным взглядом, могу сказать, что мы были наивны до предела и не потрудились выяснить десятой доли всего, что необходимо. В ту пору мы ровным счетом ничего не знали о щенячьих фермах и о тех ужасах, которые порою там творятся. Но наша ротвейлер Физз – или Собака Физз, как мы ее порою называли, – оказалась настоящим сокровищем. Нам повезло.

Конечно, с ней были свои сложности, в основном, из-за генетической склонности гоняться за белками... да, в общем, и любым другим зверьем. Так что каждая прогулка с Физз потенциально могла обернуться настоящим испытанием на прочность. Спускать ее с поводка было категорически запрещено.

О такой наследственной особенности заводчица сообщила нам с гордостью, когда мы приехали забирать щенка.

– Мамка ее страсть как любит гонять всяких этих... крысок древесных.

Мы нежно улыбнулись и пропустили ее слова мимо ушей.

– Глупости какие, зачем ей эти глупые белки, – проворковала Лиза, вглядываясь в нежно-шоколадные, невинные глаза нашего очаровательного щеночка.

Можно ли было ошибаться сильнее? Стоило ей повзрослеть достаточно для долгих прогулок, Физз тут же поспешила доказать, что яблочко от яблони, воистину, падает совсем рядом. Стоило ей унюхать белку за сотню шагов – и поминай как звали.

Подрастая, Физз взялась продемонстрировать нам, что ее интересы одними только белками не ограничиваются. Для охоты годилось любое животное, и если в местах нашего проживания имелись хоть какие-то домашние питомцы, нам стоило немислимых усилий удерживать

ее на поводке и уволочь – нервную, возбужденную и упирающуюся – как можно дальше. Все это время, надо понимать, Физз пронзительно скулила, лаяла и завывала от досады, что ее не пускают охотиться и вожаденная добыча грозит ускользнуть. Истошные вопли привлекали внимание прохожих, которые очевидно подозревали нас в том, что мы волочем несчастное животное на изуверские пытки.

– Все в порядке, она вообще-то добрая! – кричал я людям, улыбаясь со всей искренностью, на какую был способен, и делая вид, что это вовсе не я напрягаю сейчас все мышцы, чтобы удержать Физз на поводке.

Но в остальном Физз была замечательной псиной, отлично ладила с людьми и обожала детишек. Пока Лиза служила на Йовильской базе, она часто брала собаку с собой в спортзал, и та с радостью приветствовала малышку на выходе из бассейна. Там она научилась сидеть смирно в ожидании, пока они переоденутся и прибегут ее обнимать. Лиза, конечно, на всякий случай наблюдала со стороны, но беспокоиться ей было не о чем, даже когда ребятня принималась дергать Физз за уши. Внимание она обожала.

Но как бы сильно Физз не любила человеческое общество, мы скоро поняли, что ей нужен четвероногий приятель. После того, как она у нас появилась, мы с Лизой стали оказывать посильную помощь независимому собачьему приюту в Сомерсете, который носил забавное название «Удачной посадки». Читая их ежемесячную рассылку, трудно было удержаться от улыбки и от слез одновременно.

До того я не особо задумывался о подобных вещах, но меня всегда поражало, насколько бесчеловечны могут быть люди по отношению к тем, кого называют своими лучшими друзьями. От некоторых историй, которые рассказывали сотрудники приюта, волосы на голове шевелились, и глаза наливались кровью.

Так что я без колебаний дал согласие, когда как-то вечером Лиза сказала, откладывая в сторону газету:

– Я думаю, нам стоит взять бездомного пса.

Лиза вдумчиво подошла к подбору подходящего приятеля для Физз. К сожалению, в «Удачной посадке» не было собаки, идеально подходящей для ротвейлера, зато нашелся бесприютный спрингер-спаниель, которого там называли Бимером или Бимом – они и сами толком не могли решить, как лучше, и все время путались. Его к ним привезли из государственного приюта.

Мы знали, насколько важно, чтобы две собаки поладили между собой с самого начала, так что Лиза взяла Физз на прогулку, чтобы они с Бимером для начала познакомились и подружились в специально оборудованном приютском вольере. К счастью, все прошло без сучка без задоринки, и вскоре они радостно принялись шалить и гоняться друг за другом без малейших признаков агрессии.

Нам пришлось пройти ряд формальностей, чтобы убедить приют в своих добрых намерениях. Проверяющий хотел быть уверен, что у нас дома Бимер будет вести активную жизнь и получать достаточно ухода и внимания. Он сразу успокоился, стоило Лизе объяснить, что мы оба с ней армейские инструкторы по физподготовке, так что с нами Бимер вполне мог рассчитывать на долгие активные прогулки.

Истории о том, как бездомные или брошенные собаки оказываются на приютском попечении, редко становятся достоянием широкой публики, так что о прошлом Бимера мы толком почти ничего не знали, но одна из сотрудниц центра прошептала Лизе на ухо, что его вроде бросили одного на лодке. Я так и не смог понять, почему они не рассказали нам все от и до; возможно, чтобы мы не обращались с Бимером как-то по-особому, а может, чтобы не вздумали в порыве гнева разыскивать прежнего владельца. Бимера выбирала Лиза. Я в то время был слишком занят на службе и не смог составить ей компанию в самую первую поездку. Но

она наделала уйму фотографий, от которых я поневоле заулыбался, пока просматривал их на компьютере.

Игривая, очаровательная мордаха Бимера занимала весь экран.

Шерсть у него была всклокоченная и неухоженная, белая с редкими черными пятнами. Зато голова почти вся черная, если не считать единственной белой полоски от лба до кончика носа. Большие хлопающие уши заросли длинной шерстью и отчаянно нуждались в тримминге.

Но я согласился с Лизой, что это отличный пес, и больше мы никого искать не станем. Если Лизе он понравился и она готова была взять его домой, я последним стал бы возражать.

Когда пришла пора забирать Бимера из приюта, уже Лиза оказалась завалена работой по горло, и мы условились, что я сам съезжу за ним в Уэстон-на-Мэре. Пока я дожидался в приемной, чтобы нас наконец познакомили с новым псом, на меня со всех сторон сыпались вопросы с плакатов и информационных листов, развешанных на стенах:

«Вы не забыли чипировать свою собаку?»

«Ваша собака кастрирована?»

«Борьба с паразитами – делаете ли вы все необходимое?»

«Что делать, если пес натащил в дом блох?»

Держать собаку – это правда огромная ответственность. Одну собаку... а как насчет двух? Не знаю, что бы я делал, если бы в тот момент мне кто-нибудь сказал, что настанет день, и две собаки станут самой меньшей из моих проблем...

В дверях появилась молоденькая девушка с некрупным и очень застенчивым бело-черным спрингером на поводке. В зубах он крепко сжимал теннисный мяч и отчаянно вилял хвостом, как видно, решив, что его сейчас поведут на прогулку. В каком-то смысле он был прав, прогулка нам и впрямь предстояла долгая.

– А вот и он, – радостно заявила девчушка, и, к моему удивлению, без лишних церемоний вручила поводок.

– Ничего больше не нужно, – пояснила она, убедившись, что я крепко держу Бимера. – Когда ваша жена была тут в прошлый раз, она заполнила все бумаги.

Не знаю, почему я ожидал, что все окажется намного сложнее.

Стоило выйти на улицу, и Бимер радостно потрусил со мною рядом с самым беззаботным видом. В тот миг я этого еще не осознавал, но именно тогда во мне и зародился интерес к спасению бездомных собак. Тогда я даже вообразить не мог, к чему меня все это приведет.

Когда я впервые дал себе труд сесть и немного подумать, стало ясно, что я ни разу всерьез не размышлял над тем, насколько сложно будет управляться с четырьмя собаками. Как любила напоминать мне Лиза с раздражающей регулярностью, я откусил куда больше, чем мог прожевать, – особенно если вспомнить, что оба новых пса не были приучены жить в доме... хуже того, они до сих пор и на поводке-то не ходили. Вынужден признать, об этом я действительно не задумывался.

Всех четверых мы в первый раз свели в Уилтшире, на ферме Лизиного отца, где оставляли Физз и Бимера, пока ездили в лондонский карантинный центр за Наузадом и Тали. Конечно, мы тревожились, особенно насчет Наузада. Но были преисполнены надежды на благополучный исход, ведь две другие наши собаки отличались дружелюбным и открытым нравом.

Первая встреча заставила нас всех немало поволноваться, но, к нашему вящему облегчению, для Физз и Бимера она прошла почти незамеченной: они не обратили на Наузада и Тали почти никакого внимания.

Вообще, сколько они у нас жили, Физз и Бимер отличались поистинне необычайной способностью относиться с невозмутимым добродушием ко всем новшествам и переменам. Я очень надеялся, что двое новичков не выйдут их из колеи, – и не ошибся. Конечно, во избежа-

ние проблем мы всех четверых держали на поводке, однако никакое собачье побоище не случилось, все прошло на удивление гладко. Они поздоровались, как и положено, обнюхав друг дружку под хвостом.

Наблюдая за ними, я не мог отделаться от мысли как хорошо, что у людей при знакомстве принято довольствоваться старым добрым рукопожатием.

– Вот видишь, собачья карма в действии, – сказал я стоявшей рядом Лизе, железной хваткой удерживая поводок Наузада.

– Рано еще говорить, торопыга, – возразила она без особой уверенности.

Скепсис Лизы был более чем оправдан, особенно в том, что касалось Наузада. Она провела с ним куда меньше времени, чем я, а при первом знакомстве в карантинном центре он и вовсе попытался ее укусить. Лизу это, понятное дело, не напугало, и все же в ее случае жюри еще раздумывало над вынесением вердикта.

Все четыре собаки тихо и мирно пережили путешествие на машине от дома родителей Лизы до нашего нового жилища, и я подозреваю, что именно это обманчивое спокойствие в дороге внушило нам ложное чувство безопасности. Мы оба и думать забыли, что два новых члена нашей стаи являются продуктом совсем иного общества и образа жизни, чем нам привычно, однако возвращаться к реальности пришлось стремительно, поскольку Наузад решил не терять времени даром и пометить новое обиталище сразу по прибытии. В буквальном смысле слова.

Я разбирался с собаками во дворе, когда из дома донесся отчаянный вопль:

– Наузад, НЕЛЬЗЯ!

Три секунды спустя перепуганный Наузад выбежал через заднюю дверь. За ним вышагивала рассвирепевшая Лиза. Она указала ему на траву.

– И что ты тарачишься? – сердито закричала она, заметив, что я стою и улыбаюсь во весь рот. – Иди и убери там все!

Зайдя на кухню, я сразу обнаружил, что натворил Наузад: всего-то поднял лапу на ножку стола и изверг из себя немаленькую желтую лужу.

Хотя на возведение собачьих загонов я потратил немало времени и сил, в душе я все же надеялся, что оба афганца в скором времени переберутся в дом. Наузад зарубил этот гениальный план на корню. Он метил все, что оказывалось поблизости, и останавливаться не собирался. Он делал так в Афганистане, потом в карантинном центре, а теперь и у нас. В отличие от меня, Лиза не питала никаких иллюзий на его счет.

Стоило предположить – очень осторожно, без точных сроков, – что, возможно, когда-нибудь в будущем Наузаду будет позволено жить с нами, ответом мне был взгляд, исполненный стальной и непреклонной решимости. Нет.

– Жить в доме он не будет, – отвечала мне Лиза.

– Как скажешь, дорогая, – смирялся я.

Лиза не собиралась уживаться с Наузадом в доме, пока он вел себя таким образом. Это, к сожалению, означало, что в наших собачьих загончиках будет как минимум один постоянный обитатель.

Но когда мы увидели, как сильно новогодние фейерверки напугали беднягу, даже Лиза сменила гнев на милость, и было решено, что спать Наузад отныне будет в кухне, а днем сидеть в вольере снаружи – до тех пор, пока мы не начнем ему доверять. Тогда можно будет подумать и о постоянном проживании в доме.

Скажем прямо, я сомневался, что это дело близкого будущего.

●2●

Шаг за шагом

Картинка в телевизоре была слишком прекрасной, чтобы я мог в это поверить. Американский кинолог и «переводчик с собачьего» Цезарь Миллан выгуливал свою многочисленную и превосходно воспитанную стаю без единого поводка и, как это выглядело со стороны, совершенно беззаботно. На своем ленивом, с растяжкой калифорнийском английском с мексиканским акцентом он рассказывал, что любой владелец собаки может наслаждаться такими же отношениями со своими лучшими друзьями; что кто угодно может вот так же прогуливаться по округе, наслаждаясь жизнью, без всяких проблем.

Я расхохотался прямо в экран: «Да, конечно!» Мне страшно было даже представить, каким кровопролитием закончилась бы любая наша попытка устроить дома нечто подобное.

Мы начали выводить Наузада и Тали сразу после того, как они к нам приехали на Рождество. Первый раз это было на ближайшем пляже. Оба были на поводке, но им все же удалось насладиться свободой. Впрочем, куда больше их интересовали другие собаки, которых люди выгуливали поблизости.

Прогулки вокруг дома, по окрестным паркам и тропинка мало чем отличались. Нам по-прежнему приходилось иметь дело с другими людьми и, хуже того, с собаками. Начал я с обхода поселка, где мы жили, здесь можно было просто ходить по дорожкам туда-сюда. Место трудно было назвать оживленным, но и этого хватало с лихвой. Наузад рычал и пытался кидаться на все, что попадало в его поле зрения, любая собака в радиусе сотни шагов автоматически считалась врагом, и удержать его на поводке стоило мне немалых усилий. Отвлекать Наузада вкусняшками было бессмысленно, он попросту не обращал на них внимания. У него были совсем другие интересы.

Всякий раз, выводя его на прогулку, я не мог отделаться от мысли о том, что случится, если он все-таки вырвется на свободу. Стоило собаке без поводка приблизиться к нам, я видел, как шерсть поднималась дыбом у него на загривке. Он начинал рваться и тянуть вперед, всеми силами сопротивляясь моим попыткам увести его в противоположном направлении. К счастью, рано или поздно мое упорство брало верх, и он сдавался, но продолжал выворачивать голову в прежнюю сторону, даже уходя прочь, недобро косясь на собаку, случайно нарушившую его личное пространство. Это было неприятно как для меня, так и для других прохожих.

Со своей стороны, Тали интересовалась всем, что движется. Стоило в поле зрения появиться чему-то шевелящемуся, как ей срочно требовалось за этим погнаться и изловить – а потом слопать, если получится. Мы старательно сопротивлялись, но она готова была хватать все подряд, от листьев, носимых ветром, до целлофановых пакетов... и, конечно, других животных.

Ей очень, *очень* нравилось охотиться, и она отлично умела это делать. Несмотря на короткие лапы, она была быстрой, как газель, и очень ловкой. Поймать она могла практически что угодно. Очень скоро стало ясно, что угнаться за ней – задача не из легких. До сих пор я всегда гордился тем, что Физз не под силу меня вымотать, даже когда она пускается бегом. Мы вдвоем немало носились по всему Дартмуру, преследуемые по пятам радостно лающим Бимером.

– Но с тобой этот фокус не пройдет, да, Тали? Ты быстрее, – говорил я ей, когда она в очередной раз покушалась на какую-нибудь птичку, замеченную за добрых полмили. Так что обоим псам пришлось покупать добротные и крепкие ошейники с поводками, а также плотные шлейки. И даже это не давало стопроцентной гарантии контроля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.